

следует, что в законченном (опубликованном и т. п.) тексте «целостный» анализ вправе их игнорировать.

В заметках есть ссылка на «разительный пример» — различную роль переносов в трактовке Петра и Евгения в «Медном всаднике» (с. 177). Обратимся к тексту учебника, в котором этому примеру уделено много внимания¹. По мнению автора, в строчках *И думал он...*, с одной стороны, и *О чем же думал он?* — с другой, «совершенно различное смысловое наполнение» (с. 238). «Здесь, — пишет он, — в самой речи повествователя дана индивидуализированная интонация, определяющая отношение автора к героям» (с. 239). Как ни важен в анализе словесного искусства учет тончайших интонационных характеристик текста, все же демонстрация на этом примере противопоставленности «тем» Петра и Евгения представляется некоторой натяжкой. Поскольку же далее оказывается, что и «значение звукового повтора в гораздо большей мере интонационное, чем непосредственно звуковое» (с. 304), «роль интонации» получает в учебнике несколько нарочитое распространение.

Это было бы даже полезно, если бы интонацию, в понимании Л. И. Тимофеева, можно было бы строго измерять. Однако в определении, скажем, количества «ритмических единиц», входящих в тот или иной «интонационный период», этой строгости как раз и недостает (с. 301, 302, 310). Субъективизм недоказуемого постулирования именно такой, а не существенно иной длины «интонационного целого», ставит под вопрос и заманчивый вывод Л. И. Тимофеева о «резком различии первой части (тема Евгения) и „Вступления“ (тема Петра) в интонационном отношении» (с. 302).

В самом деле, на каком основании мысли Петра («Отсель... на просторе»), вопреки их четкой синтаксической расчлененности, суммируются в период из 9 строк? С не меньшими основаниями можно решительно возражать против этого и рассматривать составляющие эту девятку «ритмические единицы» 1, 2, 3 и 3 как работающие в интонационном ключе темы Евгения, в корне подорвав тем самым самую концепцию. Этот пример показывает, как важно строго определить те единицы, которые мы желаем считать. В отношении анализа интонации Л. И. Тимофеев слишком опередил возможности, которыми до последнего времени располагала лингвистика. Наоборот, в отношении некоторых других, тоже важных, явлений стиха он почему-то предпочел в своих заметках остаться на позициях неприятия опережающего опыта лингвистики.

С переносами дело обстоит, вообще говоря, более обнадеживающе. Проследить взаимосвязи разного рода переносов, их типологию и историю за последние два века в принципе можно уже в ближайшее время. Как только это будет сделано, т. е. будет определено их место в истории русского поэтического языка, отчетливее обнаружатся и их функции в конкретных произведениях. Но чтобы это было сделано полноценно верифицируемым способом, необходимо недвусмысленно и последовательно определить само понятие переноса. Увы (непонятно, кстати, почему слово *еще* «резче» передает маниакальную страсть скупца, чем *увь* — с. 176 «Заметок»), и в отношении переносов «разительный пример» Л. И. Тимофеева приходится оспорить.

Во «Вступлении» к «Медному всаднику» на 96 строк «падает», конечно, не четыре переноса, как считает Л. И. Тимофеев. Их там много больше. К тому же подсчеты Л. И. Тимофеева противоречат даже его собственному определению переноса в учебнике (с. 300, сноска). Поэтому извлечь из них что-либо реально обоснованное для противопоставления тем Петра и Евгения, к сожалению, невозможно.

Всестороннее обсуждение тех вопросов, которые затронул Л. И. Тимофеев, а также ряда других, по которым нет даже элементарного взаимо-

¹ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М., «Просвещение», 1971, с. 298—311 и др.